

«Русский вопрос» | « Le problème russe »

Автор: (с) Жорж Нива (перевод (с) Н. Сикорской), [Женева](#) , 27.11.2019.

Борис Кустодиев. Большевик, 1920 г. (с) Государственная Третьяковская галерея

Параллельно с интервью знаменитого слависта, почетного профессора Женевского университета [Жоржа Нива](#), вдохновителя и главного архитектора фундаментального труда [«Места русской памяти»](#), второй том которого вышел несколько дней назад в издательстве Fayard, мы решили опубликовать заключительный отрывок из написанного им вступления. А уж 11 глав и заключение вы прочтаете сами, по-французски.

|

En parallèle avec l'[interview de Georges Nivat](#), le célèbre slaviste, professeur honoraire de l'Université de Genève, l'instigateur et l'architecte de l'ouvrage [« Les sites de la mémoire russe »](#) paru chez Fayard il y a quelques jours, nous avons décidé de publier cet extrait final de son Introduction. On vous laisse lire les autres onze chapitres et la conclusion, en français, par vous-même.

« Le problème russe »

Немало было предложено определений и формулировок за последние два столетия, с тех пор как последовательное укрепление империи, созданной Петром Первым, поставило перед Европой «русскую проблему», часто называемую русским парадоксом. Мы могли бы составить из них бесконечный каталог, но ограничимся короткой антологией. Французский историк Жорж Соколов озаглавил одну из своих книг «Бедная мощь» (*La Puissance pauvre*). Американский историк Джеймс Биллингтон, в течение долгих лет занимавший пост главного библиотекаря в Библиотеке конгресса в Вашингтоне, назвал главный свой труд о русской культуре «Икона и топор» (*The Icon and the Axe*), спарив таким образом жестокость крестьянских нравов и Российского государства с мягкостью и красотой религиозной жизни России. Британский историк Орландо Файджес в его книге «Танец Наташи, культурная история России» (*Natasha's Dance, A Cultural History of Russia*), помещает самого себя под знак танца Наташи в охотничьем домике своего дяди в «Войне и мире» - изумительная сцена, где молодая княжна, воспитанная иностранными гувернантками, без всяких усилий находит верный медленный ритм и природную грацию русского народного танца. Иными словами, народ - в генах настоящей русской аристократии. И пусть воспитание иностранное, со швейцарскими гувернантками или «французиками из Бордо», как в комедии Грибоедова «Горе от ума», в каждом русском мужчине и в каждой русской женщине есть нечто врожденное, благородное и торжествующее, чего нигде больше не сыщешь.

Примеры можно приводить до бесконечности. Вот знаменитое, тысячу раз цитированное стихотворение Тютчева, написанное 28 ноября 1866 года:

*Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить :
У ней особенная стать
В Россию можно только верить.*

Эти строки, как и некоторые другие, столь же чистые, выражают то, что я назвал «русским Сократом»: уродлив внешне, прекрасен внутренне. Тютчев, карьерный дипломат и довольно беззаботный чиновник, более других чувствителен к диалектике «я/другой», иными словами, он «издалека», как Гоголь, любит Россию и видит ее «особенную статью».

Иконостас, как говорил теолог Павел Флоренский, - это что-то вроде стены из икон, отделяющий видимый мир от мира невидимого и символично воплощающий фундаментальную дихотомию русского восприятия мира: с одной стороны, мир живущих, с другой - божественная мудрость. Потребность вступать в конфликт с Европой и отличаться от нее, на деле переживать диалектику «они/я», испытываемая Россией на всем протяжении ее истории, представляется нам основополагающей. Ни

одна другая страна, ни одна другая европейская культура не испытывает столь витальной потребности к конфронтации с целью понять себя саму, понять, кто она есть. Даже с чисто политической точки зрения две столицы, Москва и Санкт-Петербург, старая и новая, азиатская (с Китай-городом в центре) и европейская, новый Рим, являют собой диптих, раздвоение, неведомое в такой форме ни в одной другой стране.

Противостояние интеллигенции и народа, которое поэт Александр Блок считал краеугольным, изнутри воспринимает интеллигенцию как врага, как новую Золотую орду. Стоит ли добавлять, что такое раздвоение до сих пор характеризует религиозную жизнь страны? Церковнославянский язык, который Поместный собор еще в 1917 году собирался заменить на русский, все еще существует, с горем пополам понимаемый самыми набожными из верующих, почтительно не понимаемый большинством, но обожествляемый и создающий в разговорном пространстве страны не менее священное пространство, чем алтарь, пространство вне иконостаса, который и сам происходит не из византийской традиции, но из русской. Иконостас, как говорил теолог Павел Флоренский, – это что-то вроде стены из икон, отделяющий видимый мир от мира невидимого и символично воплощающий фундаментальную дихотомию русского восприятия мира: с одной стороны, мир живущих, с другой – божественная мудрость. Вот такой коллективный платонизм, переживаемый русским народом с момента изобретения этой стены между видимым и невидимым. Раздел между двумя республиками, как говорит автор послания Диогнету, небесной и земной. В конечном счете, то же относится и к любой иконе, а икона сопровождала каждого русского человека, от царя до простого мужика. Она была одновременно материальной и нематериальной, небесной и земной. Она происходит от «нерукотворного образа», от лица Христа, изображенного на материи по просьбе царя Абгара из Эдессы.

Илья Кабаков Красный вагон, 1991 г. (с) Государственный Эрмитаж.

Подлинная и нереальная, материальная и божественная одновременно, икона, таким

образом, пропитывает русский мир своей «раздвоенностью». Московский Кремль – оплот власти, политический эквивалент этой раздвоенности, – являет собой грандиозную архитектурную память этой двойственной природы мира, «русского мира». Политическая раздвоенность соответствует определению, данному в 1911 Петром Струве в его сборнике *Patriotica* «двум национализмам». Первый, закрытый и вечно находящийся в оборонительной позиции, боящийся остального мира и стремящийся от него отгородиться, и второй – открытый, свободный и, по этой причине, склонный к размножению, к распространению. России нужен национализм «открытый» и, в силу своей открытости, экстенсивный, но отказывающийся поработать закрытые народы, не желающие имперской русской цивилизации. Короче говоря, патриотизм по примеру Соединенных Штатов, заключает Петр Струве.

Напомним, что Токвиль завершил свой труд «Демократия в Америке» (*De la démocratie en Amérique*) предсказанием, что в следующем веке будут доминировать две великие державы: Соединенные Штаты и Россия. Разумеется, Струве Токвиля читал. Национализм царского режима 1911 года представлялся ему опасным для России: опасность слабости, способной обратиться к силе. Поляки и финны раскачали русское иго, которое Струве, как в свое время Михаил Катков, считал большой опасностью для самой России. С 1911 года границы русской империи не раз менялись. Максимально расширенные Сталиным, они уменьшились после отделения прибалтийских республик, Беларуси, Украины, Кавказа и Центральной Азии вследствие падения коммунистического режима. Однако выбор между двумя национализмами безусловно остается важным для России и в 21 веке. Дискуссия на эту тему продолжается как в российской исторической науке, так и просто в истории. И мы не устаем повторять вслед за Владимиром Соловьевым, философом и поэтом:

*О, Русь! в предвиденье высоком
Ты мыслью гордой занята;
Каким же хочешь быть Востоком:
Востоком Ксеркса иль Христа?*

Русская двойственность относится к философской мысли в той же мере, что и к национализму, религиозной жизни и политике. Она как была, так и остается «вопросом». И в этом, вероятно, и есть главное «место русской памяти».

[русские](#)

Статьи по теме

[Жорж Нива: «Россия находится там, где говорят по-русски»](#)

Source URL: <http://nashagazeta.ch/news/culture/ruskiy-vopros>